

Матова М.А., Матов В.В.

**«К 80-летию расстрела Рыбинского Федора
Николаевича (1900 – 1937)»
Документальный очерк**

Введение

Закончив в апреле 2017 г. писать Книгу памяти о моем недавно ушедшем муже «Владимир Матов. Спорт. Медицина. Жизнь», в которой, наряду с его жизнеописанием, приведена его родословная по материнской немецкой линии Крахтов, я прошла в компьютере (так, на всякий случай) по ссылке: «Москва. Расстрельные списки», и увидела нечто, потрясшее меня до глубины души. С трепетом перелистав список расстрелянных до буквы «Р», я увидела знакомую до боли фамилию с именем и отчеством **«РЫБИНСКИЙ Федор Николаевич»** и распечатала краткую справку о нем:

«1900 г.р. Место рождения: Лифляндская губ., г. Усть-Двинск; русский; образование: высшее; б/н ; старший научный сотрудник в Институте общей и неорганической химии АН СССР;

место проживания: Москва, ул. Малая Дмитровка, д. 8, кв. 27

Арест: 15.06.1937

Осужд.: 26.09.1937 Военная коллегия Верховного суда СССР. Обв. по обвинению в к.-р. деятельности.

Расстр. 26.09.1937. Место расстрела: Москва, Донское кладбище

Реаб. 05.09.1956 ВКВС СССР, основание: реабилитирован».

В самой справке не было для нас ничего нового и удивительного. В ней приведены сведения, переданные нами же, моим мужем и мною, в Добровольное историко-просветительское общество «Мемориал» еще в октябре 2001 г. Тогда там составлялась единая картотека репрессированных «За увековечивание памяти о жертвах репрессий сталинизма» и мы заполнили анкету о Ф.Н. Рыбинском, опираясь на сведения, присланные по нашему запросу из Главной военной прокуратуры в 1989 г. Туда вошли и данные, полученные позже, в 1992 г., при ознакомлении в бывшей приемной КГБ на Кузнецком мосту в Москве, недалеко от Лубянки, с «совершенно секретным» следственным делом №11948 (в 2-х томах), которое предписывалось «Хранить вечно»!

Потрясающим было другое – наконец-то стало известно место захоронения праха расстрелянного в подземельях Лубянки «Дяди Феди» на Донском кладбище. Нам ведь так и не удалось, несмотря на все наши старания, получить на Лубянке сведения о месте его захоронения, ни до, ни после ознакомления с его следственным делом. Побывав на Донском

кладбище, я сфотографировала надпись на стоящем там, в середине крохотной площадки, памятнике. Оказалось, что это «Общая могила №1. Захоронение невостробованных прахов с 1930 г. – 1942 г. включ.»

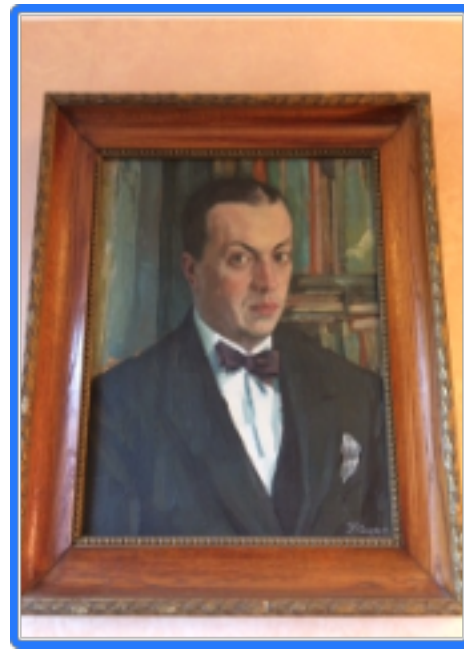
Получается, будто семья Ф.Н. Рыбинского «не **востребовала**» прах дорогого им человека. Не передать, сколько мы, его семья, затратили усилий, чтобы узнать дату его расстрела, а затем и получить новую справку о «правильной» дате его смерти в ЗАГСе (теперь в ней вместо 1943 г. указан в качестве даты смерти 1937 г.) и, наконец, захоронить его символический прах в семейной могиле на Введенском кладбище.

Так, 80 лет спустя после расстрела Федора Николаевича, тайное стало явным! На 2016 г. в списках, расстрелянных значился и Федор Николаевич Рыбинский! Это случилось благодаря невероятным усилиям сотрудников «Мемориала», за что им Великое спасибо!

Но самым потрясающим для меня открытием стала появившаяся из тьмы сталинских застенков фотография убитого, в полном смысле «растерзанного» Федора Николаевича. Фотография отобразилась на мониторе компьютера на абсолютно черном фоне, и увеличенная поведала мне в ночной час о его страданиях перед судом или перед казнью. Возможно, что этот снимок был сделан прямо перед его расстрелом, во всяком случае, в следственном деле №11948, которое мы с моим мужем тогда, в 1991 г., изучали и переписывали, фотографии вообще не было. Да это и неважно, в какое время ее сделали, ясно одно, что «после» его ареста и «до» последней черты.

Его глаза на этой фотографии пронзительны, взгляд напряженный, тревожный, обреченный, волосы на голове не причесаны, спутаны, скомканы, лицо оплывшее. Какие мысли обуревали его сознание, о чем он думал, на что надеялся, да и надеялся ли? Я разглядывала лицо, возникшее передо мной из мрака, и едва сдерживала рыдания.

Мы знали каждую черточку красивого лица Федора Николаевича, глядевшего с прекрасного написанного маслом большого портрета в старинной раме, который уже многие годы висит на стене нашей квартиры на Маяковской. Завороженная его взглядом с внезапно возникшей фотографии я подошла к портрету на стене, и убедилась, что увиденное на мониторе не есть следствие моего воображения.

Посмотрите и вы, и сравните эти два лица: молодого человека (картины художника К.Келлера, 1936г. в старинной раме), уверенного в себе и в своей будущей счастливой, благополучной жизни, и уже немолодого человека с тюремной фотографии – арестованного, оклеветанного, брошенного в застенки КГБ в 1937 г., перед расстрелом!

В ту ночь я долго сидела перед монитором компьютера «один на один» с вышедшим ко мне из темноты образом (ликом) Федора Николаевича, ясно осознав свой гражданский долг – подробно и обстоятельно к 80-летию его гибели рассказать о его 37-летней жизни. Тогда ко мне пришло четкое понимание, что только я одна во всем мире могу это сделать, ведь его родного, единственного и любимого племянника, уже нет...

Многое из того, что мы узнали с ним вместе до настоящего времени, стало возможным прежде всего благодаря семейному архиву Крахтов, сохраненному матерью моего мужа, родной сестрой Федора Николаевича Еленой Николаевной Матовой (урожденной Крахт–Рыбинской) в те безумные и смертельно опасные сталинские годы. В этом архиве, находящемся теперь в нашей квартире, есть оригиналы документов ее брата, альбомы с семейными фотографиями. Именно она, приняла на себя жестокий удар судьбы – арест и расстрел своего единственного беззаветно любимого старшего брата, это, безусловно, приблизило ее собственную раннюю смерть. Она самоотверженно несла свой крест, взяв на себя всю «вину» за то, что не смогла спасти брата.

Эту эстафету Е.Н. Матова передала своему сыну В.В. Матову, который много сделал для сохранения памяти своего родного дяди Федора Николаевича Рыбинского. Вместе с моим мужем мы со времен перестройки, с конца 1980-х, искали и собирали в различных архивах все, что можно было там тогда найти.

В итоге этих поисков в 1992 г. В.В. Матовым была написана книга «И возвращается ветер на круги свои», с посвящением его матери Елене Крахт–Рыбинской и нашему сыну Кириллу Матову. В аннотации к этой книге сказано: «Автор – В.В.Матов, доктор медицинских наук, профессор, описывая историю нескольких поколений своего рода, прослеживает судьбу немецких переселенцев в России».

Книга была издана на русском языке Международным Союзом Немецкой Культуры (IVDK) в 1995 г. тиражом 1000 экземпляров. Это издание было подарком для русских немцев, проживавших в то время в разных регионах России. Очень жаль, что в продажу эта книга в России не поступила, хотя в ней впервые были изложены уникальные, документально подтвержденные, очень интересные и для россиян, и для немцев сведения «о немцах России».

Особое место в этой книге отведено взволнованному, страстному рассказу автора о жестокой, зловещей судьбе представителя четвертого поколения российской ветви рода Крахтов – Федора Николаевича Рыбинского, молодого и талантливого ученого. Этот рассказ занимает в книге всего несколько страниц.

Примечательно это описание тем, что оно построено не только на документах, но и на личных воспоминаниях его матери – Елены Николаевны (Крахт–Рыбинской, в замужестве Матовой) и на воспоминаниях самого Владимира Владимировича Матова. Ведь он был не только членом семьи Крахтов, но и современником Ф.Н. Рыбинского, очевидцем некоторых событий жизни, вплоть до 1937 года.

Теперь эти воспоминания стали бесценными, так как других свидетелей жизни Ф.Н.Рыбинского нет уже давно. Нет родителей Федора Николаевича – его отец Николай Михайлович Рыбинский умер в 1919 г., мать Ольга Федоровна Крахт (в замужестве Рыбинская) умерла еще раньше в 1915 г. Они, к их счастью, ушли из жизни, так и не узнав о роковой судьбе своего сына. Нет его жены Рыбинской Ольги Игнатьевны, разделившей его трагическую судьбу, заплатившей многими годами заключения за недоносительство на него. Детей у них не было. Нет и его родных сестер – Елены Николаевны и Марии Николаевны Крахт–Рыбинских.

После ухода моего мужа, единственного представителя пятого поколения этой ветви Крахтов, гражданский долг по воссозданию полной картины гибели Федора Николаевича Рыбинского в настоящее время, т.е. 80 лет спустя, пришлось взять на себя мне. Но я сочла нужным и справедливым вести рассказ о Ф.Н. Рыбинском не одной, а вместе с моим мужем – автором воспоминаний о нем, перемежая свои нынешние описания с воспоминаниями, изложенными им в своей книге «И возвращается ветер на круги свои», написанной в 1992 г. и изданной в 1995 г. Эти воспоминания В.В. Матова выделены в тексте настоящего очерка курсивом.

А теперь приступим к изложению фрагментов воспоминаний В.В. Матова о судьбе Ф.Н. Рыбинского, сопровождая их подробным анализом документов и фотографий из семейного архива: о жизни, учебе, военной службе и научной деятельности. Дополним приведенные В.В. Матовым сведения об осуждении и гибели Ф.Н. Рыбинского, полученные в официальных учреждениях СССР и РФ. Для воссоздания полной картины ареста и следствия по делу Ф.Н. Рыбинского, а также вынесения и приведения смертного приговора в исполнение, постранично рассмотрим «Следственное дело Ф.Н. Рыбинского», вплоть до документов по его реабилитации **«за отсутствием состава преступления»**.

В настоящем повествовании о судьбе Ф.Н. Рыбинского будут приведены данные, которые постепенно становились известными в течение 80-ти лет после его гибели! Работа предстоит трудная, не только для меня как исследователя, но и для читателя, которому предстоит самому разобраться в том ужасном времени сталинских репрессий и в сегодняшних попытках реабилитации кровавого сталинского режима. Это и есть задача просвещения, за которую мы взялись, поскольку девиз просвещения – «имей мужество пользоваться собственным умом».

Начнем свой рассказ с личных воспоминаний В.В. Матова, описанных им в главе *«Черный обелиск»* его книги.

«ЧЕРНЫЙ ОБЕЛИСК»

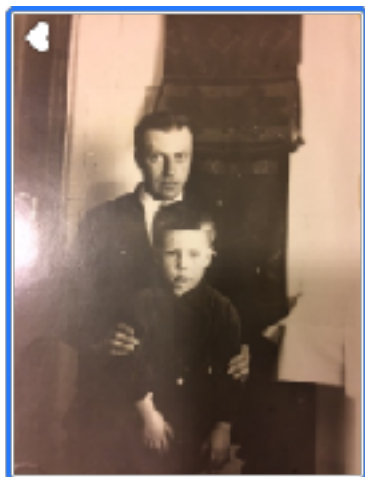
«Все началось с кладбища и с черного обелиска. Еще до войны время от времени мать брала меня с собой туда. Сначала мы ехали на трамвае, затем шли пешком. Кладбище было большое, буйно заросшее огромными кленами и вязами, опрятное, с большим числом красивых памятников и даже склепов. Над входом была надпись: "Введенское кладбище", но люди, приходившие туда, называли его "Немецким".* Почти у входа на первой аллее был наш участок. Большой, квадратный. И в центре его, среди других немногих могил – черный обелиск. На нем надпись по-немецки "Friedrich Kracht, 1801 – 1874". И по возрасту, и по величине он был патриархом. На мои вопросы о нем взрослые давали уклончивые непонятные ответы, и интерес мой постепенно угасал. Мне было семь лет, шел 1936 год, красный террор сметал все на своем пути. Ребенок не должен был знать ничего лишнего – одно неосторожно сказанное на улице, в школе слово вело к гибели.

В семье моей бабушки, урожденной Крахт, которую я никогда не видел, было трое детей, погодки. Старший был Федор, общий любимец. Стройный,

красивый, с ясным лицом. Я прекрасно его помню, сохранилось много его фотографий, в том числе и со мной. Мать всегда говорила о его доброте и открытости, граничащей с незащищенностью. Последние мои воспоминания о нем относятся к 1937 году. Тогда он был молодым, талантливым, подающим большие надежды доцентом-химиком, кандидатом химических наук (1936). Он имел неосторожность публиковать свои научные статьи в Германии. И это стоило ему жизни.

Я узнал об этом в 1943 году. Мне шел тогда 15-й год. Мы с матерью были в черной, голодной Москве. В тот вечер, вернувшись домой и увидев мать, я понял, что произошло страшное. Первая мысль была, что погиб отец, он был на фронте. Уже не имея сил плакать, она сказала только одно слово – "Федя", и пошла, увлекая меня за собой. Почти бегом мы дошли до старенькой церкви в Филипповском переулке у Арбатских ворот.

Церковь была полна народу, почти не освещена, только неверное пламя мерцающих свечей освещало сосредоточенные лица молящихся. Мать стояла, как каменная, молилась ли – не знаю. Вернулись домой мы поздно, но до комендантского часа.

Тогда впервые пелена с прошлого постепенно стала спадать. Мама рассказывала почти всю ночь, так, видно, ей было легче. И постепенно тогда, и много раз потом окружающие события и предметы стали приобретать для меня новый смысл и окраску: туалетный стол времен императрицы Екатерины красного дерева с большим зеркалом и такое же кресло с подлокотниками в виде лебедей; столик на резной ноге, с крышкой из цельного красного дерева для игры в кости. Большой обеденный стол на резной тумбе и четыре кресла к нему тоже красного дерева. Тяжелые столовые ложки, вилки, ножи из серебра с буквой "К" на ручках, серебряная сахарница с такой же монограммой и датой 1898 г. Тяжелый альбом тисненой кожи с бронзовой застежкой и непонятными прекрасного

качества старинными фотографиями. Среди них особо выделялась фотография чудесной красоты огромного дома, украшенного колоннами. Вещи необычные, даже нелепые для московской коммунальной квартиры тех времен, где мы жили. И... черный обелиск.

Тогда впервые я узнал о показавшемся мне невероятным, о том, что мои предки – **немцы**.

Теперь уже обстоятельно, подробно мать рассказывала мне о большой, очень большой семье, в которой было много интересных, известных в свое время людей. Что чудесный дом с фотографии стоял в 180 км от Москвы и принадлежал этой семье, и что вся семья в трех–четыре поколения сразу на все лето собиралась там. И что ложками с монограммой "К" ели именно в этом доме. Что среди домочадцев был известнейший в России инженер-металлург. Был талантливый скульптор, учившийся в Париже, скульптуры которого и по сей день украшают старинный Новодевичий монастырь в Москве, а его мастерская – в удивительном доме на Шаболовке. Был таинственный действительный статский советник с непонятными орденами.

Становилось яснее с лютеранским участком на Немецком кладбище, расположенном в Немецкой слободе в Лефортове, слободе, основанной полковником Лефортом при императоре Петре I.

Все это обростало реально существующими предметами, реликвиями и вместе с тем сливалось с тонкой, неверной тканью семейных преданий и рассказов, услышанных мною от еще живших Крахтов, и рисовало какой-то неясный, далекий, полусказочный мир.

Теперь мне необходимо было узнать, кто были они, эти люди, и каков он был на самом деле их мир, и вместе с тем узнать, кто есть я.

Но до начала этого раскрытия было еще долгих 45 лет».

К рассказу о Ф.Н. Рыбинском В.В. Матов возвращается в главе «**Роковая черта**» своей книги.

«РОКОВАЯ ЧЕРТА»

**Хотелось бы всех поименно назвать,
Да отняли список, и негде узнать.**

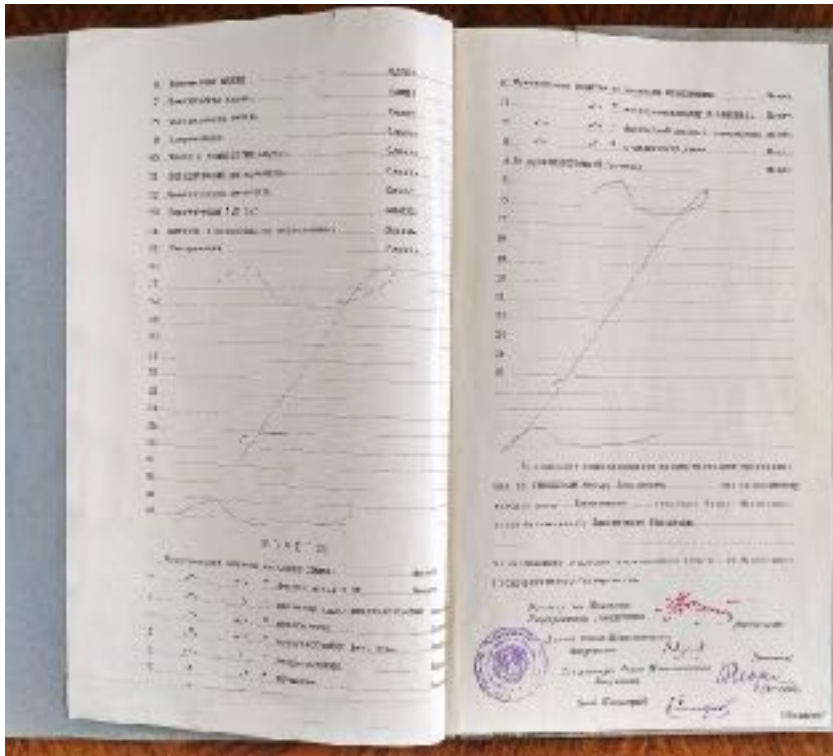
А.

Ахматова.

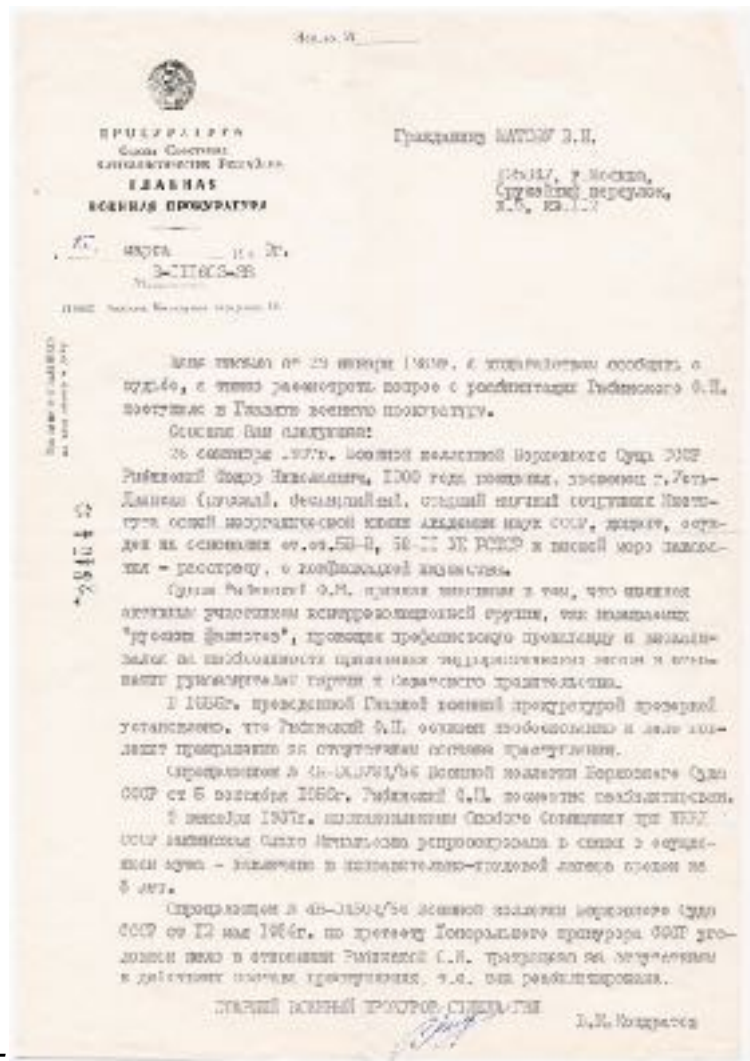
«...В ту памятную ночь 1943 года, когда мы с мамой присутствовали в затемненной церкви на заочной панихиде по ее родному брату, моему дяде Федору Николаевичу Крахту – Рыбинскому, я узнал, что его арестовали темной ночью 1937 г. Отчаянные, героические по тем временам попытки моей матери узнать что-либо о нем в НКВД были бесплодны. Прошло много лет, умерла моя мать. И вот прошел слух об открытии архивов. Тогда в январе 1989 г. я написал в Прокуратуру СССР с просьбой сообщить мне о

судьбе Федора Николаевича. Всего через два месяца после моего запроса и через 52 года со дня его ареста я получил ответ. Я читаю его за столом в своей московской квартире, передо мной на столе еще несколько документов Федора Николаевича, а на стене прекрасный, писанный маслом большой его портрет. Всем им, и документам, и портрету, – за пятьдесят лет. И здесь судьба исхитрилась и все переплела. В суперобложке на большом двойном листе – удостоверение, выданное Федору Николаевичу об окончании химического отделения I Московского государственного университета 5 мая 1928 г. Оно подписано ректором университета лично, разборчиво, красными чернилами, слегка наискось. Принадлежит подпись Александру Януариевичу Вышинскому, бывшему два года ректором университета, а потом долгие годы Генеральным прокурором СССР. Это – один из самых-самых изоциренных палачей советских застенков, идеолог, "постановщик" и главный обвинитель всемирно известных публичных сталинских процессов 30-х годов, автор "учения" о презумпции виновности и создания "троек" для осуждения ни в чем неповинных людей, приведших к гибели многие десятки миллионов. Этот диплом с подписью палача я буду "хранить вечно" (см. ниже фото-«Удостоверения 1МГУ № Ф/ 1618 , выданного Ф.Н.Рыбинскому – 5 мая 1928 г.»).

Второй документ, на бланке Главной военной прокуратуры СССР № 3-111603-38 от 15 марта 1989г.

... Одна бумажка без тени соболезнования и извинения за две полноценные молодые жизни. Дети этих двух надежных хранителей генофонда не родятся никогда. Эта ветвь потомков Крахта закрыта. Так осуществлялся геноцид на практике.

Я закрываю глаза и вижу все это предельно ясно, почти осязаемо: подворье, окруженное глухими стенами и тяжелыми окованными воротами.

Далее, мраморные, глубоко протертые миллионами ног невинных заключенных ступени, всему миру описанные А. Солженицыным. Далее – раздевание и унижительный досмотр, и потом по тем же ступеням вниз, в сумрак подвала, и шаги человека за спиной. А он (или уже я), тридцатисемилетний, сильный, полный здоровья, любимый и любящий, полный планов, надежд, бессильный осознать происходящее... И среди этого гнетущего сумрака и звенящей тишины – страшный удар в затылок и темнота. И надо всем этим, в нескольких метрах, – круглая, залитая солнцем площадь с беспечно бредущими пешеходами, носящая имя основателя КГБ "железного Феликса" (Дзержинского).

Так распорядился ректор Вышинский судьбой и жизнью своего бывшего студента.

Год спустя после ответа из прокуратуры я написал туда новое письмо. Я просил предоставить мне архивные документы КГБ о Федоре Николаевиче и сообщить о месте его захоронения.

Ведь свое последнее пристанище он должен найти там, конечно там, где покоятся останки его матери и отца, деда и бабушки вплоть до погребенного под черным обелиском Фридриха Готтлиба, а по-русски, Федора Карловича Крахта».

* * *

Как сделать, чтобы такое не повторилось никогда?

В вышеприведенных отрывках из книги В.В. Матова упомянуты лишь те факты и сведения, которые были нам известны в период ее написания. С тех пор прошло 25 лет, родилось и выросло следующее поколение людей, и россиян, и немцев, до которых даже эти немногочисленные строки коротких фрагментов книги В.В. Матова о судьбе Ф.Н. Рыбинского и его семьи так и не дошли. Впрочем, их и негде было прочесть, они не попали в руки массовому читателю, не попали ни в библиотеки, ни в архивы, ни в музеи. Да и Интернета тогда у нас еще не было.

Теперь пришли иные времена. Снова голову поднимает сталинизм. По недавним опросам ВЦИОМа треть из числа опрошенных жителей России на первое место по вкладу в историю Российского государства поставили имя Сталина.

В ряде учреждений страны вывешиваются портреты Сталина. Интернет переполнен обсуждением факта установки доски с именем Сталина в известном Московском юридическом университете. Собираются подписи людей, протестующих против реабилитации Сталина. Предлагаются такие меры как бойкот тех заведений, где висят его портреты и т.д.

Встают вечные вопросы: «кто виноват?» и «что делать?» Эти факты свидетельствуют, прежде всего, о недостаточной информированности нашего общества о трагических последствиях сталинизма, истребившем миллионы ни в чем невинных людей. Надо совсем не знать историю своей страны,

чтобы приветствовать возвращение сталинизма и возвеличивать имя его создателя.

Не успела я написать сегодня (05.07.2017 г.) эти строки, как услышала по радио, что по данным опроса ВЦИОМ – каждый четвертый москвич вообще ничего не знает о сталинских репрессиях! Вот так-так!

Как это могло произойти в нынешних условиях развития информационных технологий?! И это произошло в стране, где в сталинские годы практически в каждой семье был репрессирован кто-то из родных: родители, сестры и братья, дети и т.д., а часто и все сразу!

Вот они – «Иваны, не помнящие родства», о которых писалось в предисловии к книге В.В. Матова «И возвращается ветер на круги свои». Более 20-ти лет тому назад там было сказано о том, что вместе с разрушением института семьи, падением нравственности возникает своего рода амнезия, потеря памяти, которую человек может вернуть, лишь воссоздав прошлое – прошлое своей семьи, нации, государства. Ведь уже давно доказано, что «без памяти о прошлом нет будущего»!

Ясно, что за такой потерей памяти стоят недостатки воспитания, и, конечно же, **образования и просвещения общества!** Надо говорить, думать, писать снова и снова о том, что такое сталинские репрессии и к чему может привести «реабилитация» Сталина.

Это должны делать Семья, Школа, Государство и все мы, цивилизованные представители нашего современного общества. Ведь, после смерти Сталина были официально реабилитированы «за отсутствием состава преступления» миллионы загубленных им людей. И в справках об их реабилитации не было, как отмечено выше, и «тени соболезнования и извинений» по поводу отнятых у них жизней. А теперь непросвещенная часть общества, впавшая в амнезию, не понимает, почему нельзя «реабилитировать» **виновных** в убийстве миллионов **невиновных**. Для понимания этого нужно знание истории своей страны, своей семьи, какова бы горькой она не была, эта история! К великому сожалению, есть много людей, не владеющих информацией, их необходимо всеми средствами ПРОСВЕЩАТЬ КАЖДОДНЕВНО! Задача просвещения – передача, распространение знаний, прежде всего.

* * *

Продолжим рассказ о Федоре Николаевиче Рыбинском и его жене Ольге Игнатьевне – жертвах сталинского террора, надеясь на то, что удастся в силу нашей с мужем профессиональной принадлежности к медицине (В.В. Матов), к психологии и педагогике (М.А. Матова), внести свой посильный вклад в дело **воспитания и просвещения**. Восстанавливая историю одной большой семьи в течение почти 30-ти прошедших лет в своих книгах, публикациях, лекциях, мы уже во многом проделали этот путь. Однако этого оказалось пока недостаточно. Идем дальше!

В тот день, когда я узнала в «Расстрельных списках» «Мемориала» о месте захоронения Федора Николаевича я распечатала оттуда еще один

документ – «МОСКВА – ЦЕНТР. СПИСОК ЛИЦ, ПОДЛЕЖАЩИХ СУДУ ВОЕННОЙ КОЛЛЕГИИ ВЕРХОВНОГО СУДА СОЮЗА ССР. 22 СЕНТЯБРЯ 1937 ГОДА.

За – Сталин, Молотов, Жданов. АП РФ, оп.24, дело 411, лист 128 (<http://stalin.memo.ru/spiski/pg03128.htm>).

Судя по этому документу «главная» тройка тогдашних правителей СССР к сентябрю 1937 полностью раскрутила маховик репрессий. Это и есть время «Большого террора» (1937 – 1938 гг.), 80-тилетие которого хотя и весьма скромно, но все же отмечается в этом году не только в нашей стране, но и во всем прогрессивном мире. Так ведь совпало, что Ф.Н. Рыбинский попал в колесо истории именно в этот проклятый 1937 год.

Перейдем к обстоятельному изучению «*Следственного дела №11948*», «сочиненного» 80 лет назад, с позиции упомянутых выше последних событий 2017 г., которые происходят в нашей стране РФ в связи с попытками реабилитации Сталина. Надеемся, что одной четверти нашего населения, тем, кто ничего еще не знает о сталинских репрессиях, это будет очень полезно!

Попробуем сдвинуть процесс их **просвещения** с мертвой точки!

* * *

Архивное «Следственное дело Ф.Н. Рыбинского №11948»

Само Дело, которое мы тщательно изучили и переписали тогда, в 1992 г. на Лубянке, предваряет «Справка» с грифом «совершенно секретно» о том, что «Архивное следственное дело №269835 по обвинению Ф.Н. Рыбинского в 2-х томах в 1952 г. выделено из Особого Архива и передано для дальнейшего хранения в 3 отделение 3 сектора, где зарегистрировано в Фонде центральных дел под №№6705 (МГБ СССР, 3.Х.1952). Отметим, что передача дела для дальнейшего «совершенно секретного» хранения произошла через 15 лет после расстрела Ф.Н.Рыбинского за год до смерти Сталина. Увидели же мы эту справку спустя еще 40 лет – только после распада СССР и открытия, вернее, «приоткрытия» архивов в РФ, когда с дел были сняты внушающие ужас грифы «хранить вечно» и «совершенно секретно».

Ордер на арест и Протокол обыска. «Следственное дело Ф.Н. Рыбинского», которое нам было предоставлено для ознакомления в 1992 г., имело уже №11948. Его открывает «ОРДЕР» на бланке Главного управления госбезопасности Народного комиссариата ВД СССР, выданный на производство ареста и обыска Рыбинского Ф.Н. по адресу Малая Дмитровка, д. 8, кв. 27; неразборчивая подпись и печать (с.1 Дела). Затем идет «Протокол обыска», на котором присутствовали Рыбинский Ф.Н., Рыбинская О.И. и дворник Бахмутов. «Взято для доставления в Главное управление ГБ: паспорт №625844, охотничье ружье (бельгийское, двустволка 16 калибра), малокалиберная винтовка, патроны 150 штук, фотоаппарат, бинокль,

машинка «Монарх», инженерно-академический значок – 1 шт., китайский орден – 1 шт., коллекция старинных монет (149 медных и 37 серебряных), коллекция старых николаевских денег, фотографии, личная переписка и 6 папок архивных дел, охотничьи принадлежности, чемодан старый, большого размера, брезентовый мешок, картотека работ по металловедению». Обыск произвел сотрудник НКВД Семкин (подпись) Дата – 16 июня 1937 г. (с.2 Дела).

В составленном «Протоколе обыска» обращает на себя внимание **китайский орден** – 1 штука и чемодан «старый, большого размера». Видимо, в чемодане и унесли из квартиры Рыбинских «взятые вещи» «для доставления в Главное управление ГБ», оформив квитанции по приему документов и вещей, ошибочно поставив на них дату 15, а не 16 июня 1939 г. К китайскому ордену мы вернемся позже, когда будем представлять вам сведения из второго тома Дела Рыбинского Ф.Н. - о периоде его службы в Дальневосточной республике.

Далее в Деле есть анкета арестованного с датой 16 июня 1939г., его личной подписью, с данными о его социальном происхождении: сын военного инженера, ныне покойного, и о том, что он имеет двух родных сестер: Елену Николаевну Матову и Марию Николаевну Крахт (с.3 Дела).

Постановление об избрании меры пресечения от 19 июня 1937 г. (с.4), в котором указано, что Н.Ф. Рыбинский изобличен в том, что он является активным участником фашистской группы преподавателей разных ВТУЗов г. Москвы. На основании этого Рыбинский был привлечен в качестве обвиняемого по ст. 58/8 УК и 58/11 и ему 23 июня 1937 г. была избрана мера пресечения – содержание под стражей, в чем он лично расписался. Не очень понятно, а вернее совсем не понятно, как через 3 дня (!) после ареста без проведения допросов и других следственных действий Ф.Н. Рыбинский мог быть «изобличен», а «не подозревался» в совершении уголовного преступления!

Протоколы допросов занимают всего несколько страниц Дела. Первым 19 мая 1937 г. был допрошен **Кудрявцев Михаила Андреевич**, 1898 г.р., военный врач санчасти Военно-воздушной академии, беспартийный, гражданин СССР. Но здесь нет вопроса, есть ответ. Это он – доносчик. Это он оклеветал двух братьев Левтоновых П.Н. и А.Н., а также Станкеева Л.М., «изобличил» их, при этом оставшись всего лишь «свидетелем» по их уголовному, смертельному для них, делу.

Вот его слова: «Мне неоднократно приходилось слышать его контрреволюционные высказывания. Он враждебно относился к существующему строю. Левтонов был тесно связан с Рыбинским». И дальше: «Рыбинский в присутствии Левтонова и моем говорил, что в СССР нет стимула к тому, чтоб можно было работать <...> Этот разговор происходил в квартире Левтонова примерно в марте 1937 г.» (с.10 – 12)

А **Левтонов П.Н.** 23 мая 1937 г. на допросе дал показания, что «Рыбинский Ф.Н. является «русским фашистом» ... Он говорил, что с приходом к власти Гитлера Германия окрепла, Гитлер сумел создать крепкую власть, немцы правильно делают, что изгоняют из своей страны евреев. Этим они сохраняют чистоту своей расы...».

Удивительны и непостижимы слова следователя Смороды: «Продолжайте ваши показания о контрреволюционной, фашистской деятельности Рыбинского». Это, ведь, не вопрос, а приказ!

Ответ **Левтонова П.Н.**: Рыбинский мне говорил, что за границей для научной работы созданы все условия... В СССР научная интеллигенция нищенствует и влачит жалкое существование <...> Я также являюсь русским фашистом и полностью разделяю контрреволюционные установки Рыбинского <...> Рыбинский говорил, что у нас в стране сталинский деспотизм <...> В результате таких фашистских установок мы приходили к выводу о необходимости свержения советской власти вместе с ее руководством...» (с.13 – 14 Дела).

На следующем допросе 26 мая 1937 г. (с.15 – 16) на вопрос следователя **Смороды**: «Вы не все рассказали следствию о террористической деятельности вашей группы. Дайте развернутые показания по этому вопросу», **Левтонов П.Н.** ответил: «Вопрос о терроре против руководства ВКП (б), в особенности против Сталина, обсуждался между участниками нашей группы. Мы считали необходимым убрать Сталина, в результате чего может измениться положение в нашей стране».

На очередном допросе от 27 мая 1937 г. (с.17 – 20) **Левтонов П.Н.**, бывший до ареста преподавателем Военно-инженерной академии им. Куйбышева, показал, что «оформление нашей группы как группы русских фашистов, ориентировавшуюся в своей контрреволюционной деятельности на германский фашизм <...> нужно считать с 1936 г <...>. Но сил для свержения советской власти у нас нет...».

Рыбинский, в протоколе допроса которого есть запись «из дворян, сын полковника, военного инженера царской армии», сообщает: «Я, Рыбинский Ф.Н., являлся активным участником контрреволюционной группы русских фашистов...». А дальше слово в слово повторены показания Левтонова П.Н. (с.21).

На втором допросе 22.06.1937 г. Рыбинский дословно повторил свои первые показания (с.28 – 31 Дела). Однако после этого от следователя **Смороды** последовал новый вопрос или, скорее, **приказ**: «Следствию известно, что Вы были завербованы японской разведкой. Дайте показания о Вашей шпионской деятельности» (текст напечатан на машинке).

Собственноручные показания Ф.Н. Рыбинского:

«Японским разведчиком я никогда не был и меня японцы не вербовали. В 1921 году я действительно арестовывался по подозрению в шпионаже в пользу Японии. В 1921 г. в г. Чите я работал секретарем Главкома Дальневосточной республики. Вместе с начштаба Андерсоном и комиссаром

Семашко я присутствовал на официальных приемах в Японской миссии и при посещениях представителей японской миссии нашего штаба. После назначения нового Главкома Блюхера и с приезда с ним нового начштаба **была арестована** группа работников штаба во главе с Андерсоном, в том числе и я по подозрению в шпионаже в пользу Японии (с. 29).

Просидев около 3,5 месяцев под стражей, вся группа арестованных, в том числе и я, были освобождены за недоказанностью. Всем нам был разрешен въезд в Советскую Россию. Примерно через месяц я и другие вместе с Андерсоном были откомандированы в распоряжение штаба помощника по Сибири в г. Новосибирск. Приехав в Новосибирск, я и другие явились в штаб помглавкома по Сибири. Через сутки меня, Андерсона и других **вторично арестовала ВЧК**. Примерно около месяца нас держали под стражей в Новосибирске, после чего отправили под конвоем в г. Москву. В Москве я и все остальные просидели около двух месяцев, после чего были освобождены и направлены в распоряжение штаба Московского военного округа. Прослужив полгода в 7-м кадровом отделе военного транспорта (г. Ногинск), я был демобилизован и поступил учиться в МГУ, который и окончил в 1928 г. (Личная подпись Рыбинского и подпись следователя Смороды) (с.30).

Далее идут страницы показаний Рыбинского (с.37 – 39) о его связях с другими участниками группы и с троцкистами, где приведены его слова: «не знаю», «мне не известно», «бесед контрреволюционного характера не вел», «связей с троцкистами не имел» (Даты допросов 23.06; 15.07; 17.08.1937 г.).

Ответы Ф.Н. Рыбинского на вопросы следствия о своей жене.

В самом конце следствия, в день его окончания, Рыбинскому был задан вопрос о его жене: «За что высылалась ваша жена? Он ответил (с.39): «Моя жена Рыбинская Ольга Игнатьевна была выслана в 1930 г. в Казахстан на три года как социально опасный элемент (по моему предположению). Через 8 месяцев ей разрешили переехать в Ленинград, а летом 1932 г. она вернулась в Москву. Один ее брат Александр Янчевский, прапорщик царской армии, в 1931 г. был р а с с т р е л я н... За что он был расстрелян я не знаю... Я с ним встречался очень редко, бесед антисоветского характера не вел».

Ну вот и все. «Изобличение» Ф.Н. Рыбинского в преступной деятельности на этом заканчивается. Следствию все ясно! Оно спешит, торопится!

Окончание следствия и Обвинительное заключение.

В тот же день 17.08.1937 г. составляется протокол об окончании следствия и Ф.Н. Рыбинский подписывает его, отметив, что «по своему делу добавить ничего не имею» и ему объявлено об окончании следствия (с.40).

Далее следует «**Обвинительное заключение**», на первом листе которого наверху справа есть слова «УТВЕРЖДАЮ» ПРОКУРОР СОЮЗА ССР (**А.Я. ВЫШИНСКИЙ**), и его подпись красным карандашом и дата **25.09.1937 г.**

Оно начинается словами: «В 4 отдел ГУГБ поступили сведения, что преподаватель – доцент Московского станкостроительного института, из дворян, сын бывшего полковника царской армии Рыбинский Ф.Н.

систематически среди своего окружения ведет фашистскую агитацию и пропагандирует террор против руководителей ВКП (б) и Советского правительства. На основании этих данных 15.06.1937 г. он был арестован».

Далее кратко перечисляются полученные следствием факты о группе «русских фашистов» и показания «соучастников» Рыбинского, «уличающие» его в преступной деятельности (эти показания уже представлены выше).

А вот и **Заключение**: «На основании изложенного... Рыбинский Федор Николаевич <...>, который в 1921 г. два раза арестовывался по подозрению в шпионаже в пользу Японии <...> обвиняется в том, что: а) является активным участником контрреволюционной группы русских фашистов <...>; б) разделяет террористические установки против руководителей ВКП(б) и Советского правительства <...>; в) вел контрреволюционную и фашистского характера агитацию, т.е. в преступлениях, предусмотренных ст. 58/8-19 и 58/11 УК РСФСР.

Вследствие изложенного Рыбинский Ф.Н. подлежит суду Военной коллегии Верховного Суда СССР с применением закона от 01.12.1934 г. Под обвинительным заключением значатся подписи: лейтенанта ГБ Смороды, и «согласного» с этим заключением капитана ГБ Петровского).

Подготовительное заседание суда Военной коллегии Верховного суда Союза ССР состоялось 25 сентября 1937 г. В нем участвует заместитель прокурора СССР Г.К. Рогинский (с.44). Он предложил «с обвинительным заключением согласиться и дело принять к производству Военной коллегии Верховного суда СССР» (п.1). В п.2. значится: «Предать суду Рыбинского Ф.Н. по статьям 58-11, 19-58-8 УК РСФСР», в п.3: «Дело заслушать в закрытом судебном заседании без участия обвинения и защиты и без вызова свидетелей в порядке закона от 1 декабря 1934 г.»

На с.45 находится расписка Рыбинского (тоже карандашом, но не красным, а простым!) в получении копии Обвинительного заключения.

Итак, подписывая такое Обвинительное заключение, не оставлявшее никаких иллюзий, любой человек понимает, что это конец! Ко второй же половине 1937 г. альтернативы уже не было!

Протокол «закрытого» заседания от 26 сентября 1937 г. (с.46), которое открылось в 16.25, а закрылось в 16.45. «Закрытому» суду удалось в 20 (!) минут уложиться и осуществить поставленную задачу.

После открытия председателем «слушания дела» секретарь доложил, что «подсудимый в суд доставлен и что свидетели по делу не вызывались». Дальше председатель «удостоверился в самоличности подсудимого» <...>, а подсудимый «никаких ходатайств, а также отвода составу суда не заявил».

После оглашения обвинительного заключения председатель «разъяснил подсудимому сущность предъявленного ему обвинения и спросил, признает ли он себя виновным». Подсудимый заявил, что «виновным себя не признает и от своих показаний, данных им на предварительном следствии

отказывается». Далее председатель оглашает показания Рыбинского и других участников «преступной» группы...

Подсудимый сообщил, что «больше дополнить к своим показаниям ничего не имеет». На том судебное следствие и закончилось. Затем подсудимому было предоставлено последнее слово, в котором он сказал, что «**ТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬЮ НЕ ЗАНИМАЛСЯ**». После чего суд удалился на совещание. По возвращении суда с совещания председателем был оглашен приговор.

ПРИГОВОР

«Именем СССР Военная коллегия Верховного суда СССР рассмотрела дело Рыбинского Ф.Н.: Предварительным и судебным следствием установлена виновность Рыбинского Ф.Н. в том, что он является активным участником контрреволюционной группы так называемых «русских фашистов», проводил пропаганду контрреволюционного фашизма и высказывался за необходимость применения терактов в отношении руководства ВКП(б) и Советского правительства, т.е. в преступлении, предусмотренном ст.58-8, п.11 УК РСФСР.

На основании изложенного, руководствуясь ст.319 и 320 УПК РСФСР

Военная коллегия Верховного суда СССР **приговорила:**

Рыбинского Ф.Н. к высшей мере наказания – расстрелу с конфискацией всего, лично ему принадлежащего имущества. Приговор окончательный и на основании Постановления ЦИК СССР от 4.12.1934 г. в исполнение приводится немедленно». Подписи председателя и трех судей (с.48 Дела).

Справка о приведении в исполнение приговора о расстреле (с.49)

(на типографском бланке, с грифом «Секретно») гласит: ПРИГОВОР О РАССТРЕЛЕ Рыбинского Ф.Н. (вписано рукой), приведен в исполнение в г. Москве «26» IX, 1937 г.

Акт о приведении приговора в исполнение хранится в Особом архиве 1-го Спецотдела НКВД СССР (т.2, лист №279).

Нач.12 отделения 1 спецотдела НКВД СССР

Лейтенант госбезопасности

Шевалев

* * *

Ну, вот и все! Все «документы» Следственного дела №11948 уместились на 50-ти (!!!) страницах, а весь процесс занял 3 месяца и 10 дней (с 16 июня по 26 сентября 1937 г.).

Завидная скорость! Конвейер смерти работал молниеносно! Грамотность «документов» впечатляет. Где и как они писались, что на самом деле и как происходило? Отражали ли эти протоколы, сказанные подсудимыми слова, или они писались следователем «под копирку»? Почему подписи выполнялись карандашом (красным или простым), а не чернилами? Почему надо было слушать дело в закрытом судебном заседании без участия

обвинения и защиты и без вызова свидетелей (в порядке закона от 1 декабря 1934 г.) Знакомьтесь с этим законом – постановлением!

* * *

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ ИСПОЛНИТЕЛЬНЫЙ КОМИТЕТ СССР

ПОСТАНОВЛЕНИЕ от 1 декабря 1934 года

О ВНЕСЕНИИ ИЗМЕНЕНИЙ В ДЕЙСТВУЮЩИЕ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ КОДЕКСЫ СОЮЗНЫХ РЕСПУБЛИК

Центральный Исполнительный Комитет Союза ССР постановляет:

Внести следующие изменения в действующие уголовно-процессуальные кодексы союзных республик по расследованию и рассмотрению дел о террористических организациях и террористических актах против работников советской власти:

- 1. Следствие по этим делам заканчивать в срок не более десяти дней.*
- 2. Обвинительное заключение вручать обвиняемым за одни сутки до рассмотрения дела в суде.*
- 3. Дела слушать без участия сторон.*
- 4. Кассационного обжалования приговоров, как и подачи ходатайств о помиловании, не допускать.*
- 5. Приговор к высшей мере наказания приводить в исполнение немедленно по вынесении приговора.*

*Председатель ЦИК Союза ССР М.КАЛИНИН
Секретарь ЦИК Союза ССР А.ЕНУКИДЗЕ*

* * *

Какие тут нужны комментарии?! Вопросы, вопросы, одни вопросы... Но на многие из этих вопросов есть ответы! Для того чтобы понять, что происходило тогда, надо ознакомиться с тем, что было после.

А «после», в **1956 г.**, была **реабилитация!**

«Материалы проверки по делу Рыбинского Федора Николаевича» (сс.51 – 66).

Проверка начинается с заявления его жены Ольги Игнатьевны Рыбинской от 22 мая 1955 г. о реабилитации Ф.Н., поскольку она «не знает о судьбе мужа, кроме того, что он умер 20 октября 1943 г.».

Далее идут «Обзорные справки» по делам фигурантов «группы русских фашистов»: Левтонова П.Н., Левтонова А.Н. и Станкеева Л. М. Оба брата Левтоновы были расстреляны в тот же день, что и Рыбинский Ф.Н., т.е. 26 сентября 1937 г.

Станкеев Л.М. был приговорен к 10-ти годам тюремного заключения с поражением в политических правах сроком на 5 лет и конфискацией имущества, потом снова осужден по другому делу и расстрелян. Реабилитирован посмертно.

В «Материалах проверки» имеется также протокол допроса от 23 февраля 1956 г. **члена КПСС 1940 г., полковника медслужбы Кудрявцева М.А.** «Кудрявцев показал, что об антисоветской деятельности братьев Левтоновых, Рыбинского и Станкеева ему ничего не известно. Ему известно, что все они были арестованы, но за что, он не знает».

Допрошенный по своим показаниям от 19.05.1937 г. Кудрявцев их не подтвердил и заявил: «Я не располагал в 1937 г. какими-либо конкретными фактами антисоветской деятельности этих лиц. Психологически я был под влиянием частых и непрерывных арестов в г. Москве. Помню хорошо, следователь Сморода допрашивал меня 2 дня, заявляя мне, что все они признали себя виновными, дают показания на меня, угрожал мне, заявляя, чтобы я подумал, ибо у меня есть семья. Помню, что допросы были в ночное время. В первую беседу протокол составлен не был, а во вторую был составлен протокол, который я подписывал» (с.57 Дела).

Следует обратить внимание на то, что Кудрявцев через 3 года после расстрела людей, на которых он донес, чем способствовал осуждению четырех, как установлено позже, ни в чем не повинных людей, якобы входивших в группу «русских фашистов», сделал весьма успешную карьеру, вступив в 1940 г. в ряды КПСС и дойдя в столь короткий срок до звания полковника медслужбы. Вспомним о том, что когда он 19 мая 1937 г. давал следствию свои первые показания по делу в протоколе значилось, что «Кудрявцев Михаила Андреевич, 1898 г.р., военный врач санчасти Военно-воздушной академии, беспартийный, гражданин СССР». Что же, вступив в ряды славной КПСС, он, рядовой военный врач, перепрыгнул разом все ступеньки продвижения по службе и за три года дослужился до звания полковника??? Самое непостижимое то, что оправдываясь, он не испытывал никакого сожаления и раскаяния по поводу загубленных им жизней!!! Но может быть его все же мучил стыд и он лил слезы раскаяния по ночам!? В поисках истины мы приходили с мужем на место его жительства на Смоленском бульваре в Москве, словно там могла быть памятная табличка с напоминанием о том, что в этом доме жил доносчик, раскаивающийся в совершенном преступлении...

«Заключение по делу Рыбинского» В Военную коллегия Верховного суда СССР с грифом «Секретно»:

«Приговор по делу Рыбинского Ф.Н. отменен 28 апреля 1956 г. Дело производством прекращено» (с.62).

Дальше следуют несколько документов:

- на бланке Верховного суда Союза ССР «Определение №010784 /56 Военной коллегии Верховного суда СССР в составе: Яковлева, Рохлиной и Дворецкой
- **«приговор Рыбинского Ф.Н. отменить и дело производством**

прекратить» и приводятся 7 адресов, в которые отправлено принятое Определение (НП, КГБ, ГВП, 1 с/о, наряд и №6 – 7 – резерв) (с.63);
– письмо Военной коллегии Верховного суда СССР от 24 сентября 1956 г. (в несколько адресов) с просьбой **возвратить законным представителям Рыбинского Ф.Н. конфискованное у него имущество или его стоимость и сообщить об этом в Военную коллегия Верховного суда СССР (с.64);**
– распоряжение Военной коллегии Верховного суда СССР (снова с грифом «Секретно») от 30 июля 1956 г. о выдаче Рыбинской О.И. «свидетельства о смерти ее мужа Рыбинского Ф.Н.». В нем **сообщено, что «Рыбинский Ф.Н. был осужден 26 сентября 1937 г. и, отбывая наказание, умер 20 октября 1943 г. от паралича сердца** (о смерти Рыбинского сообщено в ОАГС г. Москвы 31 ноября – 1946 г. №43/13 – 09907). Подпись Зам. председателя Военной коллегии Верховного суда Р. Борисоглебского. 17 августа 1956 г.»

И снова указывается ложная, вымышленная дата смерти - не 1937 г., когда на самом деле был расстрелян Ф.Н. Рыбинский, а 1943 г., когда он будто бы умер от «паралича сердца» (с разницей в 6 лет!). Военная коллегия Верховного суда СССР рассматривала дело Рыбинского и не увидела в нем Справку о приведении приговора о его расстреле в исполнение в 1937 г. на с.49 Дела?!

На этом Том 1 Дела, состоящий всего из 66 страниц, заканчивается.

Том 2. Дела Рыбинского Ф.Н. о периоде его службы в Дальневосточной республике

Теперь предстоит хотя бы кратко изучить т.2 Дела Рыбинского № Р-7981, в котором находятся **Документы, о его военной службе в Дальневосточной республике (с 06 ноября 1920 г. по 05 июня 1921 г.):**

- в приказе по Штабу Восточно-Сибирского военного округа за подписью начальника штаба Андерсона сообщается о назначении Рыбинского Ф.Н. секретарем начальника штаба с 06 ноября 1920 г.;
- в удостоверении №3027, выданном Ф.Н. Рыбинскому значится, что «дело по обвинению его в шпионаже в пользу Японии прекращено ГПО (Госполитохраной)...». Дата 04 октября 1921 г., Чита;
- в приказе №158 от 29 июня 1921 г. адъютанту начштаба Рыбинскому Ф.Н. предписывается «полагать арест с 28 июня 1921 г.» (с.4);
- рапорт Рыбинского Ф.Н. в штаб РККА, написанный его рукой 21 марта 1922 г., «...по освобождению из ВЧК явился в Ваше распоряжение... с ходатайством о разрешении остаться служить в Москве для продолжения... высшего образования» (с.7);
- в «Послужном списке Ф.Н. Рыбинского», составленном 23 ноября 1921 г., сказано о его передвижениях по службе и награждении генерал-майором Чжу Лань Тынь орденом Китайской республики 1-ой степени (с.9 – 13).(Вот какой орден изъяли у Ф.Н.Рыбинского при обыске!) ;

– на сс. 14 – 15 приводится «Свидетельство» особо уполномоченного Президента и Верховного совета Китайской республики (на китайском и русском языках) Дальневосточная Республика, г. Чита, 1921 г. апреля 24 – го дня». «Я нижеподписавшийся... на основании предоставленного мне Правительством Китайской Республики права награждаю своим орденом Первой степени секретаря Начальника штаба Главнокомандующего всеми вооруженными силами ДВР Рыбинского Ф.Н., состоявшего при мне во время моего пребывания в г. Чите, за его умелое и добросовестно аккуратное выполнение своих обязанностей, что подписью с приложением печати свидетельствую... (подпись, печать).

– на с.28 Дела имеется «Удостоверение»: «Дано сие гр. Ф.Н. Рыбинскому бывшему личному адъютанту бывшего начальника штаба ДВР гр. Андерсона в том, что участие его в деле по обвинению в шпионаже в пользу Японии гр. Андерсона, после тщательного расследования **за отсутствием состава преступления и всяких улик совершенно прекращено.** Содержание под стражей во время ведения следствия с 28 июня по 22 октября 1921 г., являлось лишь временной мерой, отнюдь не порочащей имя гр. Рыбинского Ф.Н.». Подпись начальника генштаба ДВР Токаревского от 01 декабря 1921 г. (№1198/НШ г. Чита).

Это все, что мы увидели в архивном Следственном деле №11948 Рыбинского Ф.Н. Эти документы были собраны следствием, но они ничего не прибавили и не убавили в следственном деле. Их никто и не собирался анализировать, так как СМЕРТНЫЙ ПРИГОВОР Ф.Н. Рыбинскому был предрешен!

Следственное дело Рыбинской О.И. №15134

Подпись под фото: Слева-Рыбинская О.И.; справа - Федор Николаевич и Ольга Игнатьевна Рыбинские

Рыбинская Ольга Игнатьевна была арестована следом за своим мужем Рыбинским Ф.Н. 17 ноября 1937 г. Он был уже почти два месяца назад расстрелян (26 сентября 1937 г.), но она, к счастью, ничего об этом не знала.

«Следственное дело №15134» начинается словами «Заинвентаризовано в 1941 г.» Главным управлением Госбезопасности НКВД СССР.

Приведем краткие сведения из выписанных нами документов при ознакомлении с делом Рыбинской О.И. №15134 в 1992 г.

«Ордер на арест и обыск обвиняемой Рыбинской Ольги Игнатьевны от 17.11.1937 г.». Обыск проходил по месту ее прописки: Трехпрудный пер., 5/15, кв.15. При обыске присутствовал дворник Рогалин Н.И. «Взято: паспорт Рыбинской и разная переписка». «Запечатана комната 10 кв.м.» (18.11.1937 г.). «Выданы квитанции»: на кольцо золотое, 383 руб. денег, на чемодан, подушку и ключ.

Анкета арестованного: Рыбинская Ольга Игнатьевна (девичья фамилия Янчевская), 1895 г.р., г. Уфа, русская, беспартийная, машинистка, служащая и домохозяйка. В 1931 г. была выслана из Москвы в г. Алма-Ата, потом в г. Ленинград. В 1932 г. возвратилась в г. Москва, и была реабилитирована в том же году.

По справке НКВД: «является женой активного участника контрреволюционной террористической организации Рыбинского Ф.Н., осужденного Военной коллегией Верховного суда от 26 сентября 1937 г. к высшей мере наказания. Детей нет». (16 ноября 1937 г., подпись).

Постановление об избрании меры пресечения и предъявления обвинения: «Рыбинская О.И. достаточно избличена в том, что она является соучастницей в совершении контрреволюционного преступления мужа Рыбинского Ф.Н., являющегося активным участником контрреволюционной террористической организации и, зная об этом, не сообщила органам Советской власти». В связи с этим избрана «мера пресечения – содержание под стражей в Бутырской тюрьме».

На допросах **Рыбинская О.И.** не признала себя виновной в соучастии в совершении преступления ее мужем Рыбинским Ф.Н., заявив, «что не виновна ни в чем».

В постановлении НКВД об окончании следствия от 09 декабря 1937 г. указано, что «принимая во внимание тяжесть совершенного преступления Рыбинским Ф.Н. <...>и соучастие Рыбинской О.И. в совершенном мужем преступлении, <...> полагал бы... осудить ее «к заключению в исправительно-трудовой лагерь на восемь лет». Что и было сделано по решению Особого совещания при комиссии ВД СССР от 09 декабря 1937 г., «считать срок с 17 ноября 1937 г., дело сдать в архив» (подписи, печать). Она должна была быть отправлена в ГУЛАГ НКВД «с первым отходящим этапом в г. Акмолинск в распоряжение спецотдела КАРЛАГа НКВД... (с. 19 дела Военной коллегии Верховного суда СССР О.И. Рыбинской) (подпись и печать).

Вот и все, с женой Рыбинского Ф.Н. Рыбинской Ольгой Игнатьевной разобрались молниеносно: на это понадобилось всего полтора месяца!

* * *

*А вот и общеизвестный Приказ №004486 !
Напомним о нем тем, кто не помнит или не хочет знать!*

15 августа 1937г. вышел оперативный приказ народного комиссара внутренних дел Н. Ежова № 00486 о репрессировании жен и «социально опасных детей» изменников родины и членов «правотроцкистских организаций». Приказ устанавливал меры наказания женам – 5-8 лет исправительно-трудовых лагерей, детям – заключение в исправительно-трудовые лагеря, исправительно-трудовые колонии или отправка в детские дома особого режима.

В записке НКВД Сталину от 05 октября 1938 г. сообщалось, что всего на основании Приказа № 00486, «по неполным данным репрессировано свыше 18 тыс. жен арестованных предателей, в том числе по Москве свыше 3 тыс. и по Ленинграду около 1500 человек».

В январе 1939 г. Наркому внутренних дел доложили, что в 1937 – 1939 гг. всего по Союзу было «изъято» 25342 ребенка.

* * *

Материалы проверки по делу Рыбинской Ольги Игнатьевны

На с. 22 есть **Протест** (в порядке надзора) зам. Генерального прокурора СССР И. Макина (с грифом «секретно»), где утверждается, что Рыбинская О.И. ... «привлечена необоснованно» («в отношении своей жены Рыбинский Ф.Н. показаний не дал»), ... **«Постановление...отменить и дело в отношении Рыбинской О.И. прекратить»** (дата 20 марта 1956 г. с. 22).

А далее, на с. 24 находится опять же с грифом «секретно» Определение Военной коллегии Верховного суда СССР №4н-04504/56 от 12 мая 1956 г. об отмене **Постановления... «за отсутствием состава преступления»**. И затем 21 мая 1956 г. сообщается опять же с грифом «секретно», что Рыбинской О.И. выдана справка о прекращении дела.

Таким образом, для осуждения ни в чем неповинной Рыбинской О.И. понадобилось всего 1,5 мес., а для ее реабилитации – 19 лет!

И при этом ни Рыбинскому Ф.Н., ни Рыбинской О.И. не возвратили конфискованное у них имущество и не оплатили его стоимость, как предписывалось законом и упомянуто в Постановлении о реабилитации.

Этого по закону, видимо, можно было не делать! А по совести???

* * *

Подходя к заключительной части повествования, снова обратимся к воспоминаниям В.В. Матова. Они написаны страстно, эмоционально, полны горечи и обиды, но оценки верны и справедливы. Название главы говорит само за себя «Русский фашист».

"РУССКИЙ ФАШИСТ"

*О них вспоминаю всегда и везде,
О них не забуду и в новой беде.*

«Можно отыскать нетронутую людьми и временем гробницу юного фараона в бескрайних песках Египта через много веков после захоронения. Можно спустя миллионы лет, найти в вечной мерзлоте мамонта. Можно во тьме океана, спустя десятилетия после гибели, отыскать "Титаник". Все что угодно. Но никто и никогда не допустил бы ранее мысли о том, что простой смертный сможет держать в руках и знакомиться с содержанием папки из архивов НКВД СССР с личным делом осужденного.

Бесплодными оказались, например, все усилия мировой общественности, выдающихся общественных деятелей, министров иностранных дел и президентов государств, многие годы добивавшихся предоставления им дела Рауля Валленберга.

Но невероятное случилось. Телефонным звонком, не оставляющим следа, меня пригласили ознакомиться с делом Федора Николаевича Рыбинского.

И вот Я с женой в небольшой приемной бывшего КГБ недалеко от Лубянки и его главного здания. Вход свободный. В вестибюле за столом, на котором в беспорядке и небрежно разбросаны телефонные аппараты с гербами на дисках, несколько молодых людей в форме и в штатском. Вежливые, даже почтительные. Нас препровождают в крохотную комнату с тремя простыми столами. Окна в ней плотно закрыты и зарешечены.

Душно. За двумя уже сидят наши товарищи по несчастью. Это те, которым, как и нам, много лет спустя предназначено второй раз пережить смерть своих родных, но теперь уже во всех ее ужасающих подробностях.

Третий стол наш. Мы садимся, и молодой человек в штатском кладет перед нами тонкую папку. И не рушится мир: за окном по-прежнему светит весеннее солнце, и бредут пешеходы. А здесь на небольшом столе перед нами пролегла черта между эпохами, между живыми и мертвыми.

Подобных папок я не видел нигде: ни на фотографиях, ни в кино.

*Она была из самого простого, плотного картона бежевого цвета. На ней стояло: Рыбинский Ф.Н. (написано чернилами, рукой), **Следственное дело** (крупным типографским шрифтом, черной краской) и номер 11948 (снова чернилами), а в правом верхнем углу тисненное черным, то, чего я одновременно и ждал, и боялся увидеть – "Хранить вечно". Словно предупреждение о чрезвычайной опасности, о сверхвысоком напряжении, о смертельной невидимой ядерной радиации. Словно гарантированное на века право безграничной, тайной и бесконтрольной власти одних людей над судьбами и жизнью других. Чтобы там ни было, а черные крылья КГБ по-прежнему простирались над нами.*

Но если бы даже невероятное случилось и кто-то, когда-то, лишь на короткое мгновенье, случайно увидел такую папку, едва прикоснулся к ней, он этим действием в то же мгновенье и неотвратно был бы обречен на смерть. Ибо инструкция КГБ гласила – всякий посторонний свидетель должен быть уничтожен.

Еще не открывая папки, я знал доподлинно, что есть в деле его первая страница, и не ошибся. То был напечатанный типографским способом, голубой краской, на четвертушке бумаги "Ордер на арест и обыск". И опять я пытался представить себе, что испытал Федор Николаевич, увидев этот листок, что испытали десятки миллионов людей, понимавших, что он знаменует собой смерть...

... Завершает же историю жизни русского немца четвертого поколения Федора Крахта – Рыбинского "Свидетельство о смерти". Короткое заключение в несколько слов. Все эти слова ключевые, и все они требуют тягостного осмысления, потому, что они несут в себе огромный смысл.

Вот эти слова.

"Смерть" – но она наступила не вследствие болезни, свершилась, когда не было ни войны, ни землетрясения, ни катастрофы, просто несчастного случая. Это было убийство, совершенное государством, его многочисленными агентами – специалистами, со многими специальными атрибутами, по раз и навсегда разработанной схеме и без каких-либо законных оснований.

"В возрасте 37 лет" – то есть, в расцвете сил духовных и физических, в возрасте, прекрасном для убиваемого и самым полезном для общества и государства.

"Город Москва" – убийство человеком себе подобного осуществлялось даже в центре огромного мирного города, где миллионы людей покупают хлеб, идут на работу, гуляют с детьми. Именно здесь, а не только в укромных урочищах, цинично совершались эти незаконные, тайные, подлые массовые убийства.

"Причина смерти – расстрел" - не из мести, не из ревности, не с целью ограбления. Без видимой причины, сзади, выстрелом в затылок, убит заведомо ни в чем неповинный человек, не защищенный ничем и никем, и лишенный возможности защищаться. Расстрел – не есть причина смерти. Ее причину должен определить и констатировать лишь врач-эксперт.

Расстрел – это способ уничтожения человека, его убийство. В данном случае незаконное. И признать это не в силах был даже всемогущий НКВД.

В 1943 г., когда мы с мамой бежали по затемненной Москве в церковь, чтобы отслужить панихиду по ее брату Федору Николаевичу, ей сообщили в НКВД, что он умер в концлагере в 1943 г. от "паралича сердца".

Они тогда лгали и точно знали, что лгут.

В 1956 г. после реабилитации Федора Николаевича и его жены Ольги Игнатьевны, ей было выдано свидетельство о смерти мужа, "последовавшей в 1943 г. в лагере от паралича сердца". Свидетельство подписано заместителем председателя Военной Коллегии Верховного Суда СССР Р.Борисоглебским.

Они лгали и тогда, даже после реабилитации, и точно знали, что лгут.

Знали точно, потому что здесь же среди немногих страниц дела лежит справка о том, что приговор приведен в исполнение 26 сентября 1937 г. Но "охранялась"- то эта справка грифом "секретно" и охранялась "вечно".

Лгали потому, что боялись. Всячески старались развести два взаимосвязанных действия: скверной комедии судопроизводства по несуществующему преступлению и конкретного свершения – того момента, когда палец анонимного убийцы нажал на гашетку смертоносного оружия.

И только в 1992 г., через 55 лет, я прочел в деле все как было, а они наконец-то, отважились признать правду и даже написать мне об этом.

Так не есть ли истина в словах: "не верь, не проси, не бойся"?!

Так тайно с выдуманных, несуществующих "русских фашистов" начиналось истребление в СССР российских немцев. Глетворная система тоталитаризма, наряду с другими, вбирала и немцев в свою мертвящую зону. Вряд ли это было тогда уже сформированной доктриной государства, скорее слепым поиском сотен тысяч радеющих посредственностей, составляющих плоть и кровь карательных органов. Ведь именно в этот период в уже ставшую фашистской Германию щедро поставлялись русские хлеб и нефть, а до подписания пакта Молотова – Риббентропа было еще два томительных года. И долгих четыре года оставалось до того момента, когда Иосиф Сталин, в одно короткое мгновение поразив советских немцев в правах, бросил их в бескрайние степи Казахстана и леса Сибири, обрекиши на гонения, голод и смерть. И ровно столько же оставалось до того, когда Адольф Гитлер бросил немцев Германии в бескрайние просторы заснеженной, бездорожной России, обрекиши сотни тысяч на гибель под Москвой и Сталинградом, на плен. А оставшимся в живых советским немцам и немцам Германии, попавшим в русский плен, суждено было вместе делить невзгоды на шахтах и рудниках Караганды и Воркуты. В 1950 году в Казахстане под Джезказганом я видел, как русские немцы, переселенные туда в 1941 г. из Москвы, тайно приводили в свои дома и подкармливали немцев, попавших туда же из плена под Москвой.

Так непостижимо переплелись судьбы Германии и России. Судьбы немцев, переселившихся в Россию в XVIII – XIX веках и немцев, пришедших туда через вторую мировую войну. Да сколько же их было?

Вот и этот круг из истории семьи Крахтов в России замкнулся.

Прах Федора Николаевича Крахта – Рыбинского вернулся в единственное, предназначенное ему судьбой и справедливостью место. Единственное на всей нашей грешной планете. Он теперь покоится на 5 лютеранском участке Немецкого кладбища в Москве. Покоится (подумать только!) в одной могиле со своим отцом и матерью, дедом и бабкой. Представитель четвертого поколения Крахтов в России, он занял свое, ему предназначенное место, всего в трех метрах от Черного обелиска.

И снова не было ни черного катафалка, ни многочисленных провожающих в траурной процессии. В этот теплый осенний день провожающих, как и в 1943 г., было двое: я, предпоследний потомок Фридриха Крахта, и моя

жена. И все же мы были не одиноки. Они, казалось нам, были все здесь. Открытые, достойные, доброжелательные, в платьях старинного покроя, представители пяти поколений, живших в России Крахтов.

И все было торжественно, и священник прочел над могилой молитву.

Но чтобы свершилось это естественное действие, понадобилось 55 лет, понадобилось, чтобы рухнул колосс на глиняных ногах – СССР, чтобы перестала существовать КПСС и ее правая рука и первооснова – КГБ.

И еще: чтобы в России сохранились потомки, хранящие традиции этой семьи.

И все же правду сказали не всю. Они не назвали места убийства, места захоронения, не сохранили праха его. И потому негде было нам, потомкам, в дни скорбной даты возложить цветы и преклонить головы. И все же, все же покоится, пусть не прах, но душа его в одной могиле со "своими". Лежит же в могиле под большим старинным железным крестом капсула из крахтовского металла, а в ней короткий текст, который капсула и земля

*должны хранить вечно. На мраморной же доске на кресте последним в поименном списке стоит **"Рыбинский Федор Николаевич"**.*

Исп. № 11755

УПРАВЛЕНИЕ ЗАГС г. МОСКВЫ

125030 г. Москва, ул. Трибунская, 19

Копия: гр-ну МАТОВУ В.В.

125047 г. Москва, Срединная пер., д.Б, корп.9,
кв.112

Воспная коллегия
Верховного Суда
Союза ССР
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

№ 3
44-500784/56
1937 г. Москва, ул. Никольская, 12

Письму кат. советскому отделу
ЗАГС указания в перерегистрации смерти РЫБИНСКОГО Федора Николаевича, 1900 года рождения, уроженца г. Усть-Двинска (Енисей), зарегистрированного 25 сентября 1937 в г. Москве по приговору Военной коллегии Верховного Суда СССР от 26 сентября 1937 года и реабилитированного постановлением Президиума Военной коллегии от 5 сентября 1960 года.

Новое свидетельство о смерти РЫБИНСКОГО Федора Николаевича прошу выдать МАТОВУ В.В.

Начальник отдела
Военная коллегия Верховного Суда РС
Федеративных Республики

В.С.Семин

В. ПЕЛКОВАЯ
1937 г. № 217

Новое Свидетельство о смерти Ф.Н.Рыбинского 26.09.1937 г.

* * *

УЧИМ УРОКИ!!!

На перекрестке жизненных путей Ф.Н. Рыбинского и А.Я. Вышинского

Среди соучастников и вдохновителей Большого террора в СССР одним из главных был Прокурор СССР А.Я. Вышинский (1883 – 1954 гг.). В связи с активным участием Вышинского в судьбе Ф.Н. Рыбинского придется отвести ему определенное место в нашем повествовании.

В 1923–1925 годах Вышинский был прокурором уголовно-судебной коллегии Верховного суда РСФСР и одновременно профессором I МГУ по кафедре уголовного процесса.

С 1925 года **Вышинский** стал **Ректором** Первого Московского Государственного университета.

Рыбинский тогда был **студентом Первого МГУ**. Как уже говорилось выше, именно Вышинский как ректор поставил свою подпись красными чернилами на дипломе Рыбинского в 1928 году.

В эти годы Вышинский выступал государственным обвинителем на крупных политических процессах. Был председателем специального присутствия Верховного суда по Шахтинскому делу (1928 г.). 6 июля 1928 года 49 специалистов Донбасса были приговорены к различным мерам наказания Верховным судом СССР под председательством Вышинского.

По воле судьбы среди этих специалистов Донбасса был родной брат отца В.В. Матова – Юрий Николаевич Матов. Его приговорили к расстрелу, но потом суд изменил ему меру наказания. В ИТЛ он провел почти 28 лет своей жизни, впоследствии был реабилитирован.

С 11 мая 1931 года Вышинский стал Прокурором РСФСР. С марта 1935 года по май 1939 года он был **Прокурором СССР**. Одним из первых он поддержал тезис Сталина о том, что при определенных условиях **«законы надо отложить в сторону»**. Ему же приписывается главная роль в обосновании необходимости развертывания репрессий в СССР. Это ему принадлежат слова: *«Вся наша страна, от малого до старого, ждет и требует одного: изменников и шпионов, продавших врагу нашу Родину, расстрелять как поганых псов! Пройдет время. Могилы ненавистных изменников зарастут бурьяном и чертополохом, покрытые вечным презрением честных советских людей, всего советского народа. А над нами, над нашей счастливой страной, по-прежнему ясно и радостно будет сверкать своими светлыми лучами наше солнце. Мы, наш народ, будем по-прежнему шагать по очищенной от последней нечисти и мерзости прошлого дороге, во главе с нашим любимым вождем и учителем – великим Сталиным – вперед и вперед к коммунизму!»*

Во времена Большого террора 1937–1938 годов А.Я. Вышинский и нарком внутренних дел Н.И. Ежов входили в состав Комиссии НКВД СССР и прокурора Союза ССР, рассматривавшей во внесудебном порядке дела о шпионаже. Известно, что существовал порядок, когда в НКВД СССР поступали справки по делам, рассмотрение которых поручалось нескольким начальникам отделов, не видевшим самих следственных дел. За один день каждый из них выносил решения по сотням дел. После этого список приговоренных к расстрелу и заключению в ИТЛ подписывался Ежовым, а затем отправлялся на подпись Вышинскому.

В 1935 – 1939 гг. Вышинский входил в состав секретной комиссии Политбюро ЦК ВКП(б) по судебным делам. Комиссия утверждала все приговоры о смертной казни в СССР.

В 1937 г. именно Вышинский подписал обвинительное заключение Рыбинскому. До реабилитации Рыбинского в 1956 г. он не дожил.

После смерти Сталина в 1953 г. карьера Вышинского стремительно пошла вниз, он был назначен постоянным представителем СССР при ООН в США. В 1954 г. Вышинский скоропостижно скончался, готовясь к очередному

выступлению в ООН. Существует несколько версий о причинах его смерти: сердечный приступ, самоубийство, отравление....

Заключение

Вот и закончена летопись о короткой жизни и ужасной судьбе Федора Николаевича Рыбинского, представителя 4-го поколения Крахтов, предки которого переселились в Россию из Германии в начале XVIII века. Он был рожден своей матерью – немкой Ольгой Федоровной Крахт, чтобы жить и быть полезным гражданином страны, в которой он так славно начал свой жизненный путь. Стал прекрасным специалистом – химиком, ученым, кандидатом наук, доцентом, преподавателем высшего учебного заведения, автором многих научных работ, напечатанных в СССР и за рубежом. По семейным преданиям последнее и послужило основанием для придуманного следствием названия группы так называемых «русских фашистов».

Его арест был связан с доносом. Доносы и доносительство всегда были распространены в России. Не углубляясь в стародавние времена, вспомним лишь, что во время своего царствования Петр I и Екатерина Великая всячески поощряли доносительство. Это широко известные данные. К примеру, если крепостной доносил на хозяев, он за это получал часть их имущества.

Накануне Революции 1917 г. осведомительство процветало. Этим занимались кучера, дворники, девицы легкого поведения и прочий люд. Известно, что агентами царской охранки становились и многие политические деятели.

После Революции большевики уничтожали списки доносчиков, а потом сами насаждали доносительство. При Сталине доносчики исчислялись миллионами, считалось, что один доносчик приходился на 5 взрослых. Их вербовали чрезвычайно активно – и в более поздние времена, доносчики были везде. Конечно, это происходило не только в СССР. Вспомним, например, о Штази в ГДР в послевоенное время и других социалистических странах.

Сталинские репрессии использовали доносы как стратегическое оружие. Вот и в случае с Ф.Н. Рыбинским, как ни старались его обвинители «замести следы», и скрыть «движущую силу» выдуманного уголовного процесса против «русских фашистов», в группу которых он, якобы, входил, в обвинительном заключении все же пришлось сослаться на некое заявление : «В 4 отдел ГУГБ поступили сведения...».

Зачем следствию стараться, когда жребий уже был брошен?! «Суду» же для профформы оставалось только сделать «верный» вывод, руководствуясь процитированным выше «законом от 1 декабря 1934 г.».

В таких условиях создавалась лишь видимость правосудия. А конвейер смерти работал на полную мощность! И у попавших в эту машину не было никакого спасения: подписывать признание своей вины или нет, отказываться от своих показаний, данных на предварительном следствии или нет и т.д. Обе

стороны таких процессов всё знали заранее. И обжалованию решение судебной «тройки» не подлежало, и приговор приводился в исполнение немедленно!!! Точка же ставилась выстрелом в затылок.

Необходимо особо подчеркнуть, что в этом документальном повествовании нам не пришлось самим доказывать невиновность Ф.Н. Рыбинского и его жены поскольку само государство – СССР – доказало всю преступность сталинских репрессий. Один «суд» в 1937 г. приговорил его к расстрелу, а второй «суд» через 20 лет, в 1956 г., реабилитировал Рыбинского Ф.Н. посмертно, а его жену Рыбинскую Ольгу Игнатьевну - после восьмилетнего заключения.

* * *

Рассказав читателю обо всех перипетиях и превратностях судьбы 37-ми летнего человека из семьи немцев-переселенцев в Россию, расстрелянного как участника «группы русских фашистов» и реабилитированного после его физического уничтожения, свой гражданский долг мы с моим мужем выполнили. Мы сделали все, что могли, написав всю правду об ужасе и безнадежности этого периода существования нашей страны.

Читатель сам мог убедиться, что наши рассказы и умозаключения построены на архивных документах, которые нам удалось увидеть, изучить и сохранить навсегда. Такой возможности у наших будущих читателей не было и, возможно, не будет, если сталинизм удастся возродить. Ни «Большой», ни маленький террор не должны повториться.

Надеемся, что наш «Документальный очерк» поможет просвещению той части наших сограждан, которые не знали или не хотели знать о таком страшном явлении. Пусть девизы «Хранить вечно» и «Совершенно секретно» останутся только в архивных документах как свидетельство незаконности происходивших массовых репрессий!

Сентябрь 2017 г.